

УДК 94(470.67)

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕХТУЛИНСКОГО ХАНСТВА С РОССИЕЙ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

М.-С. К. Умаханов, Р. М.-С. Умаханов

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН  
Дагестанский государственный технический университет

---

На основе анализа широкого круга источников в статье рассматривается история политических отношений Мехтулинского ханства с Россией в XVIII – начале XIX века.

The article deals with the history of political relations of Mehtulinskiy khanate with Russia in the XVIII century and the beginning of the XIX century on the basis of the analysis of a wide range of sources and corresponding literature.

Ключевые слова: политика; Россия; Дагестан; ханство; царское правительство.

Keywords: policy; Russia; Daghestan; khanate; the tsarist government.

Особую роль в формировании и укреплении политического положения Мехтулинского ханства в XVIII – начале XIX в. играли его отношения с Россией, которая и сама стремилась распространить и укрепить свои политические позиции на Северном Кавказе, в частности в Дагестане. Эти политические устремления мехтулинского Ахмед-хана нашли четкое отражение в письме сына шамхала тарковского Хасбулата российскому генералу А. Гессен-Гамбургскому от 27 июня 1733 г. В этом письме сообщалось об участии дженгутайского Ахмед-хана и его людей во встрече начальников прибывших на Северный Кавказ крымских войск с местными феодалами для обсуждения плана их дальнейших действий. В конечном же итоге это все не имело успеха: как видно из сообщения шамхальского сына Ахмед-хана российскому генералу, он «женгутейцов Ахмед-хан всех с собою отвел и никого не оставил» [1]. Это означало, что Ахмед-хан дженгутайский не примкнул к пришельцам – крымцам, а наладил свои отношения с Россией.

Отношения Ахмед-хана дженгутайского с Россией были урегулированы достаточно четко после указанного выше события, так как уже 17 мая 1738 г. он обратился с письмом к кизлярскому коменданту И.М. Красногородцеву с просьбой перевести его аманата «из сылачного (вернее было бы «ссылачного». – Авт.) города» в крепость и содержать его вместе со всеми аманатами. При этом дженгутайский владетель писал, что он – «государев верной холоп и аманата... сам охотю своею дал и весь народ ведает», что он «государю верен» [1, 2]. Он же выражал готовность исполнять все просьбы кизлярского начальства.

Отношения мехтулинского владетеля с Россией приобрели особое значение в период нашествия войск иранского правителя Надир-шаха на Дагестан, особенно после их вторжения в Мехтулинское ханство. Важность установления контактов с Россией владетель Мехтулы Ахмед-хан всецело осознал после андаляльского сражения 1741 г. и отражения горцами целого ряда карательных экспедиций шахских войск. Это нашло наглядное отражение в обращении дженгутайского хана к царским властям на Кавказе с просьбой принять его в российское подданство.

Согласно имеющимся сведениям уже в марте 1743 г. кн. Долгорукий и российский резидент при Надир-шахе В. Братищев доносили императрице Елизавете Петровне о том, что «владельцы Кайтага, Аварии, Дженгутая (Мехтулы. – Авт.) и горские старшины твердо решили стать вечными и верными подданными России» [3–5].

Эти же владельцы добивались российской протекции и в августе 1743 г. [3–5]. Уже к августу 1743 г. в Кизляре находился аманат мехтулинского хана «женгутейской Заузан – сын Ахмат-хана дяди» [6].

---

---

Внешняя политика России в эти годы была очень осторожной. Русское командование охотно принимало такие обращения горских владетелей, обнадеживало их, принимало с почетом их посланцев. Однако российские власти на Кавказе сразу не решались взять горцев под свою протекцию, под защиту. Это отрицательно сказывалось на дальнейшем сближении дагестанцев, в том числе и мехтулинцев, с Россией. Они, просто не решались положиться на непоследовательное в своих обещаниях российское правительство.

Это же в условиях широко развернувшейся в XVIII в. антироссийской кампании со стороны Османской империи грозило переориентацией горских владетелей с России на Турцию, с царя на султана. Этот вопрос хорошо освещен известным дагестанским историком В.Г. Гаджиевым [7]. Поэтому здесь не станем пересказывать и повторять его. Особо отметим только то, что он в изданной в Москве в 1965 г. книге «Роль России в истории Дагестана» подчеркивал, что, хотя большинство населения Восточного Кавказа желало «безмерно» быть под покровительством России, «однако часть феодалов и местное мусульманское духовенство, прельщаясь подарками султана, склонялись на сторону Турции. Одними из первых на призывы турок откликнулись владетель Дженгутая Али-Султан и его брат Аджи-Маматхан» [7]. Они, будучи обижены на царя Грузии Ираклия II и надеясь на легкую добычу, по свидетельству российского лазутчика, уговаривали ханов аварского и казикумухского напасть на Грузию. Однако эти ханы не поддались уговорам, отказались тогда совершать антироссийские действия. Тогда Али-Султан дженгутайский и его брат, собрав ополчение в 200 человек из местных жителей, предприняли грабительские нападения на Грузию, являвшуюся тогда союзницей России и находившуюся под ее покровительством [7, 8].

Имеется также сообщение конца 1785 г. о том, что Али Султан дженгутайский, оставив своих людей в Ахалцихе, поехал «к султану». Это же известие царские власти на Северном Кавказе получили от брата Али Султана Ахмат-хана [9].

Это, естественно, в Москве и Петербурге не могли приветствовать. Царское правительство делало свои политические выводы по этому поводу. Оно хотело, чтобы владетели Дагестана были за него, ориентировались на него, но саму эту идею не особенно старалось реализовать, подкрепить открытой военной помощью горцам и соответствующими экономическими благами для феодальных владетелей, которые не считали, видимо, освобождение их товаров в российских городах от обложения пошлинами достаточным стимулом для поддержания в них пророссийских настроений.

И все же аварские и мехтулинские правители в XVIII в. стремились упрочить свои торговые и политические связи с Россией, а если удастся, то и получить какие-нибудь подарки со стороны российских властей на Кавказе. Для этого они обычно обращались к царскому правительству с просьбами принять их в подданство России.

Имеется интересный в этом отношении документ. Это обращение аварского владетеля Мухамед-Нусал-хана от 9 марта 1764 г. к императрице Екатерине II. Аварский хан писал ей: «...А понеже подлинно наши деды и отцы служили по возможности своей великой государыне, а ныне и я желаю служить» [10]. В этом же письме он писал о желании и брата его Али-Султана дженгутайского служить российской государыне [10]. При этом хан не скрывал, что он хотел этим актом как обычно добиться милостей от императрицы, подарков, денег и т.д.

Как и другие феодальные владетели Дагестана, мехтулинские ханы тоже не прочь были получать подарки от русских царей, хотя бы такого же масштаба, какие получали они от турецкого султана. Поэтому только при возникновении лишь крайне острых политических ситуаций они обращались к царскому правительству за помощью и покровительством, выражая за это готовность присягнуть России и быть ей верноподданными.

Такая ситуация сложилась во время ожидавшегося нападения иранского правителя Ага-Магомед-хана на Дагестан в 1796-1797 гг. Именно поэтому организованный в 1796 г. поход царских войск во главе с В. Зубовым, взявшим Дербент без большого сопротивления, был поддержан большинством владетелей Дагестана. Был он поддержан и правителем мехтулинским Али-Султаном [11-13].

---

---

Еще С. Броневский писал о жителях мехтулинских сел или «дженготенцах», т.е. дженгутайцах, что «они имеют собственных владельцев, из коих старший Али-Султан-бек, предан России и во время похода царских войск в Персию в 1796 году оказал им многие услуги» [14].

Однако было бы неверно думать, что все вопросы взаимоотношений между Россией и мехтулинскими правителями были решены и между ними не было проблем. Этого нельзя делать хотя бы потому, что царский главнокомандующий войсками на Кавказе кн. Цицианов, очень агрессивно настроенный по отношению к дагестанским владетелям, 1 июля 1805 г. писал ген.-л. Глазенапу, что среди собиравшихся идти на помощь Баба-хану иранскому владетелю Дагестана, по его сведениям, были тарковский, дербентский, аварский правители и «отец аварского хана султан дженгутайский...» [15]. Цицианов просил Глазенапа проверить достоверность этих сведений и принять меры предосторожности.

В начале второго десятилетия XIX в. при владычестве на Кавказе царского наместника ген. А.П. Ермолова, проводившего открыто колонизаторскую политику по отношению к горцам, в том числе и к мехтулинцам, отношения Мехтулинского ханства с Россией обострились.

Хотя в 1814–1815 гг. Аварское и Мехтулинское ханства формально и придерживались пророссийской ориентации, а аварский хан даже получал царское жалованье, как чуть позднее писал сам Ермолов, «ханства Казикумухское, Аварское, владения Мехтулинское и Уцмия Каракайтатского и другие сильные общества не признавали власти нашей (т.е. российской. – Авт.) над собой» [16]. В 1816 г. отношения между Аварией и Мехтулой с одной стороны и царской Россией – с другой резко обострились. В ноябре месяце вспыхнуло возмущение в Дженгутае – владении брата Султан-Ахмед-хана – Гасан-хана, в котором активное участие приняли и аварские феодалы. 14 ноября, по сведениям О.В. Соболевой, Ермолов с войсками «двинулся в Дагестан, чтобы наказать мятежников». Султан-Ахмед-хан сумел хитро уйти от ответственности и сохранить получаемое от России жалованье [16].

Однако в 1818 г. Султан-Ахмед-хан отказался от русского подданства, рассчитывая общими усилиями дагестанских феодалов избавиться от диктата ген. Ермолова. Предупрежденный о планах Султан-Ахмед-хана вдовой Умма-хана княжной Абашидзе и Аслан-ханом кюринским, Ермолов в ноябре 1818 г. через Тарки прибыл в Дженгутай и разгромил отряды горских феодалов. За измену же Султан-Ахмед-хана Ермолов решил на его место поставить на ханство в Аварии сына брата Умма-хана Гебека (рожденного от брака с узденкой) чанку Сурхая.

Сурхаю был присвоен чин полковника царской армии, назначено жалованье, и он был провозглашен аварским ханом [16].

Однако события на этом не завершились. Султан-Ахмед-хан стал призывать дагестанцев вновь на борьбу против ермоловских войск, используя присланные в 1819 г. из Персии деньги. «И снова к Султан-Ахмед-хану примкнул мехтулинский Хасан-хан...» [16]. Поддерживали их также акушинцы и другие горцы. К августу 1819 г., собрав до 6000 человек горцев, Султан-Ахмед-хан появился в 16 км от крепости Внезапной, намериваясь напасть на русские отряды в Эндирее. Однако Султан-Ахмед-хан проиграл Ермолову сражение у Бавтугая и бежал в горы [16].

Существует довольно полное описание событий, связанных с разгромом Ермоловым горских отрядов и резиденции мехтулинского хана – Нижнего Дженгутая.

Царский историк В. Потто писал, что «Мехтула выдвинулась не первое место в движении против царизма. Поэтому против нее и выступил Ермолов. Из Тарков 11 ноября он двинулся в Параул. Горцев было 15 тыс. Они заняли окружающие вершины. Оттуда отборные ругательства сыпались на Ермолова...» [17]. Он все же разбил горцев, взял Параул, а оттуда двинулся к Б. Дженгутаю – резиденции мехтулинских ханов. Она, по словам В.Потто, «чрезвычайно живописно раскидывалась на крутом возвышении, по самой середине которого стоял ханский дворец, имевший вид рыцарского замка... с узкими стрельчатыми окнами...» [17].

Нижний Дженгутай был взят царскими войсками. По сообщению В. Потто, в мечети были переколоты штыками все ее защитники и укрывшиеся там; аварский

---

---

хан и знаменитый в горах своей ученостью мулла Сеид-эфенди, «проповедывавший восстание», бежали в горы. Село было отдано на разграбление войскам [17].

Такая же участь постигла и Верхний (Малый) Дженгутай. Царские войска в ходе этой карательной экспедиции потеряли, по словам В. Потто, трех офицеров и 50 нижних чинов [17]. «Слух о поражении дагестанцев мгновенно облетел все горы до отдаленнейших ущелий. Горцы, никогда не видевшие в своих селениях русских войск, были в страхе, – идея о неприступности их жилищ исчезла», – писал по этому поводу В. Потто [17].

Ермолов сурово обошелся со всеми селами мехтулинцев. «Все, что составляло в Мехтуле удел аварского хана, было конфисковано; его богатый дом в Парауле был разрушен до основания; его деревни: Кака-Шура, Параул, Дургели и Урма переданы во владение шамхала тарковского. Из остальных селений Мехтулинского ханства образовано особое приставство под управлением русского офицера – войскового старшины Якоба Батырева. Самостоятельность Мехтулинского ханства исчезла навсегда и знаменитый дворец ханов в Дженгутае сравнен с землей» [17], – подводил итоги этих событий В. Потто, ни словом не обмолвившись при этом об излишней жестокости ермоловских войск.

Сохранилось и «обвещание» Ермолова от 17 ноября 1818 г., согласно которому «Жители селений Кулецма, Урма, Оглы и Апши принимают в подданство Российского Императора, которым российские войска не должны делать обид, но всякое вспомоществование. Начальник над сими селениями будет всегда определяем от российского главнокомандующего и жители никому другому повиноваться не должны» [18]. Это означало, что Ермолов не хотел оставить в целостности Мехтулинское ханство, опасаясь новых выступлений в нем.

После этого ген. Ермолов значительно увеличил войска в шамхальстве и через Мехтулинское ханство в конце 1819 г. двинулся против акушинцев, принимавших активное участие в нападениях горцев на царские войска. Ермолов довольно успешно дошел до Урма, заставил горские отряды отступить в Леваша. Он последовал за ними и в Левашах разгромил их [19].

Далее он двинулся в глубь территории даргинцев, и 21 декабря 1819 г. его войска заняли оставленный горцами аул Акуша. В отношении акушинцев ген. Ермолов избрал более разумную политику. Заняв покинутое жителями село, он запретил войскам преследовать акушинцев, трогать их имущество и дома, чем произвел «на жителей поражающее впечатление» [20]. В результате этого многие акушинцы, в том числе и женщины, явились в лагерь русских и 150 человек выразили от имени своих сельчан покорность Ермолову. Только один старый кадий (Макачу), судорожно хватаясь за рукоять кинжала, отказался кланяться Ермолову и заявил ему, что его победа ничтожна и что его разобьют, как это сделали с Надир-шахом [20].

26 декабря 1819 г. ермоловские войска оставили Акушу и ушли в Мехтулу. В Мехтулинском ханстве на этот раз был оставлен на зимовку особый отряд под командой полковника Верховского, на которого было возложено и гражданское управление в Мехтуле и в других обществах Северного Дагестана [20].

11 января 1820 г. Ермолов писал Верховскому в Параул, что «...за сохранение верности России ген.-л. шамхал Тарковский получает во владение свое принадлежавшие изменнику Султан-Ахмед-хану аварские селения: Параул, Дургали и Урума; из части, принадлежавшей умершему Хасан-хану, поступает во владение его сел. Кака-Шура» [21]. Далее генерал писал, что за сыном Хасан-хана остались селения «Большой и Малый Дженгутай, Кулецма, Аймаки, Ахкенд, Дуренги, Гапш, Чоглы и, наконец, Оглы», половина которого ранее принадлежала Султан-Ахмед-хану. Этими селами должен был править назначенный Ермоловым наиб Тахмасб-хан-бек, который все должен был делать только с согласия Верховского. Ермолов предлагал, если появится у Верховского старший сын Хасан-хана с прошением в подданство, «его принять и обнадеежить» [21].

Свою жестокость (разгром сел Леваша, Уллу-Ая и др.) при этих событиях он оправдывал, заявляя, что «разорение нужно было как памятник наказания гордого и никому доселе не покорившегося народа; нужно в наставление прочим народам, на коих одни примеры ужаса удобны наложить обуздание» [22].

---

---

Ермолов цинично заявлял, что он «истребил деревни дженгутайские, в коих осмелились они поднять оружие против нас, и вместе с оными предал было все дома и имения» мехтулинцев [22].

Он вообще хотел уничтожить, ликвидировать Мехтулинское ханство. Султан-Ахмед-хан «был лишен ханского достоинства и права получения российского жалованья» [22]. За поддержку, оказанную ему тарковским Мехти-шамхалом, А.П. Ермолов присоединил к владению шамхала, передал «в полное... управление его "имение" изгнанных им изменников: Султан-Ахмед-хана аварского, брата его джунгутайского бека Гасан-хана и Гирей-бека, состоящее в селениях: Параул, Шура, Дургели и Казаниши с окрестными деревнями». Такую бумагу Ермолов подписал еще 21 ноября 1818 г. [23]. Согласно этому документу «удел аварского хана Султан-Ахмеда из Мехтулинского ханства, именно деревни: Кака-Шура, Дургели, Параул и Урума, поступили во владения Мехти-шамхала» [23].

Из других селений ханства, признавших тогда полную покорность царю, а именно из сел Большой Дженгутай, Малый Дженгутай и Дуранги, «образовано было особое приставство, над которым поставлен был сперва один из шамхальских чиновников, а потом русский офицер – войсковой старшина Яков Батырев» [23].

Однако «ермоловское затишье» быстро закончилось [24]. В 1821 г. вспыхнуло восстание в селах Мехтулинского ханства. Оно перекинулось в Аварию, жители которой отказывались признавать ханом ставленника Ермолова Сурхай-хана, которому подчинялись лишь три-четыре села [24, 25]. В ходе этих событий по подговору мехтулинского и аварского владетелей пристав Батырев был убит. Восстановить российское управление в этих краях было крайне затруднительно. Поэтому по ходатайству Мехти-шамхала за детей покойного к тому времени Гасан-хана вскоре после убийства Батырева генерал Ермолов позволил детям Гасан-хана Ахмед-хану и Али-Султану явиться с повинною. Он простил их. Ахмед-хану он даровал управление Мехтулинским ханством, за исключением удела его дяди – аварского хана, состоявшего из четырех сел, отданных в 1818 г. Ермоловым шамхалу Мехти [26], хотя ханша Паху-бике упорно добивалась от царских властей возвращения этого «мехтулинского удела» под свою власть [27].

Несколько позже шамхал выдал свою дочь (Нох-бике) за Ахмед-хана и отдал ему как бы в приданное аул Кака-Шуру [28].

Видимо, мехтулинцы выступили против господства российских начальников и в 1823 г., поскольку в приказе Ермолова от 20 мая 1826 г. говорится, в частности, что «в 1823 году, когда возник мятеж между соседственными народами, Мехтулинским и койсубулинским и войска великого государя смиряли непокорных» [29], Даргинское общество оставалось в стороне.

Сведения об этом содержатся в предписании Ермолова ген.-м. фон Краббе от 6 сентября 1823 г., в котором Ермолов писал, что главным бунтовщиком подстрекателем этих событий являлся Хасан-кадий из с. Кака-Шура [29].

Восставшие «жители мехтулинского округа, соседственного Тарку, сделав заговор с большею частью подвластных шамхала, убили поставленного над ними пристава... офицера и подняли оружие...», напали на роту Апшеронского пехотного полка, сопровождавшую транспорт с провиантом, у села Кафир-Кумух [29].

Согласно «отношению» ген. Ермолова к барону Дибичу от 12 сентября 1823 г. главным зачинщиком возмущения был Амалат-бек, убийца командира пехотного полка Верховского, знавший всю обстановку и пользовавшийся доверием Верховского [29].

Младший брат же Ахмед-хана Али Султан тогда же был отправлен в Россию на царскую службу. Он там оставался до 1834 г. Вернувшись на родину, Али-Султан получил от Ахмед-хана в виде удела селение Кака-Шуру, где и обосновался [30].

Таким образом, был решен конфликт в российско-мехтулинских отношениях, случившийся в начале XIX в. Необходимо отметить, что эти отношения постепенно приобретали более мирный характер. Российские власти через шамхалов тарковских все время следили за ситуацией в Мехтуле. 24 сентября 1826 г. Мехти-шамхал тарковский сообщал Ермолову, что «все жители Акуша, Дарго, Койсубу, Мехтули... пребывают непоколебимо верными» царю [31].

Имеются сведения также о том, что Ахмед-хан мехтулинский, последовав «гнусным мыслям отца своего Хасан-хана, привел в волнение жителей Казаниша и Эрпели» [32]. Однако события, начавшиеся в Дагестане с конца 20-х годов XIX в. и

---

---

приведшие к образованию имамата Шамиля, послужили уже сближению аварского и мехтулинского правителей с Россией. Это видно хотя бы из того, что по просьбе аварцев и полк. Магомед-Мирзы-хана Казикумукско-Кюринского, просившего об отстранении его от управления Аварским ханством, ген.-м. Реут оставил в Аварии полк. Ахмед-хана – владельца Дженгутай-Мехтулинского с отрядом милиции [33].

Не останавливаясь на всех событиях начала 30-х годов XIX в., в которые было втянуто и Мехтулинское ханство, отметим как наиболее важный и интересный в плане данного исследования один документ. Это – «предписание» барона Розена (один из командующих царскими войсками в Дагестане. – Авт.) ген.-м. Ланскому от 27 июля 1834 г. с инструкцией, что должен был делать Ланской в Дагестане, как управлять. В этом предписании Розен давал и краткие характеристики состоянию разных частей («провинций») Дагестана, их отношениям к России. Розен, в частности, писал Ланскому: «К управлению вашему относятся подвластные нам ген.-м. Аслан-хан Казикумукский и Кюринский, т.с. (тайный советник. – Авт.) Сулейман-хан шамхал тарковский, л.-гв. Гусарского полка полк. Ахмед-хан, владелец мехтулинский. Все сии лица без всякого ограничения управляют своими округами. Мы не вмешиваемся явным образом во внутренние дела их...» [33]. А 31 июля 1834 г. Розен же писал к министру внутренних дел Чернышеву, что «шамхал, а равно Ахмед-хан, владелец мехтулинский, кадий Акушинский просят меня принять решительные меры против Гамзада» [33], т.е. имама Гамзат-бека, развернувшего бурную деятельность в горах.

Иначе говоря, мехтулинский правитель в эти годы не только не имел претензий к российским властям, но и просил от них себе помощи. Следовательно, можно говорить, что российско-мехтулинские отношения имели тенденции к укреплению.

Это обстоятельство и дало, видимо, основания А.П. Щербачеву писать в 30-х годах XIX в. о том, что «мехтулинский хан... к правительству нашему... точно предан...» [34].

Довольно объективную оценку российско-мехтулинским отношениям изучаемого здесь периода дал еще в XIX в. военный историк В. Потто. Он писал, что «хан мехтулинский... никогда не присягал на подданство России и за то не пользовался от нее никакими прерогативами. Ни перед самым началом мятежа 1818 года, даже (когда) он, через посредство аварского хана обратился к Ермолову с просьбой о принятии в подданство России» [35].

В целом же отношения Мехтулинского ханства с Россией в изучаемый период прошли серьезное испытание временем, не прерывались надолго и значительно упрочились к 30-м годам XIX в. благодаря заинтересованности и усилиям обеих сторон.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Русско-дагестанские отношения в XVIII – нач. XIX в. С. 68.
  2. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 19. Л. 104.
  3. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 15. Д. 65. Л. 3–4.
  4. Архив внешней политики России (далее – АВПР). Ф. Сношения России с Персией. 1743 г. Д. 3. Л. 472.
  5. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 133, 134. 391 с.
  6. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 63. Л. 58.
  7. Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 133–134, 154–156.
  8. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 52. Оп. 194. Д. 486. Л. 83–84.
  9. РГВИА Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. II. Л. 30б.
  10. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 566 (99 л.). Л. 26.
  11. ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 18–19.
  12. Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 166.
  13. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. С. 460–461.
  14. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: Тип. С. Селивановского, 1823. Ч. II. С. 306.
  15. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее – АКАК). Т. 2. С. 784.
- 
-

16. *Соболева О.В.* Социально-экономические отношения в Аварском ханстве в конце XVIII – начале XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1955. 295 с. // Рукоп. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 27. Л. 62–67.
17. *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 2. Ермоловское время. Вып. II. Изд. II. СПб.: Изд. кн. склада В.А. Березовского, 1888. С. 222–225.
18. АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. II. С. 6.
19. История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. II. С. 82.
20. *Потто В.* Указ. соч. Т. 2. Вып. 2. С. 261, 263.
21. АКАК. Т. 2. Ч. II. С. 28.
22. История Дагестана. Т. II. С. 79–82.
23. Мехтулинские ханы // Сборник сведений о кавказских горцах (далее – ССКГ). Вып. 2. Отд. IV. С. 4–5.
24. История Дагестана. Т. II. С. 83.
25. *Соболева О.В.* Указ. соч. Л. 63.
26. Мехтулинские ханы. С. 5–6.
27. *Соболева О.В.* Указ. соч. Л. 68–71.
28. Мехтулинские ханы. С. 6.
29. АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 83, 87–88.
30. Шамхалы тарковские // ССКГ. Вып. I. Отд. IV. С. 72–74.
31. АКАК. Т. 6. Ч. II. С. 101.
32. Там же. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 534.
33. Там же. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 389.
34. *Щербачев А.П.* Описание Мехтулинского ханства, койсубулинских владений и ханства Аварского. Около 1830 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. С. 295.
35. *Потто В.* Указ. соч. С. 199.

*Поступила в редакцию 15.02.2013 г.  
Принята к печати 30.09.2013 г.*